

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

П. Т. Лисон¹

Университет Джорджа Мейсона (Фэрфакс, США)

УДК: 330.34, 330.35, 338.001.36, 338.1

doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-2

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ: УРОКИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ

Сравнительная историческая политическая экономия (Comparative historical political economy, CHPE – СИПЭ) использует аналитический подход к пониманию социальных явлений. Хотя ее применение далеко не всегда связано с вопросами развития, она часто генерирует идеи, имеющие отношение к экономике развития. Автор иллюстрирует подход СИПЭ к пониманию социальной практики с помощью примеров, которые, не будучи связаны с современным развитием, тем не менее дают уроки, имеющие к нему непосредственное отношение.

Ключевые слова: экономическое развитие, институты развития, теория экономического роста, экономика развития, экономическая история.

Цитировать статью: Лисон, П. Т. (2025). Сравнительная историческая политическая экономия: уроки для развития. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 60(4), 15–27. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-2>.

P. T. Leeson

George Mason University (Fairfax, USA)

JEL: A13, B41, B53, K11, N90, O12, O17, O19, O43, O50, P50

COMPARATIVE HISTORICAL POLITICAL ECONOMY: LESSONS FOR DEVELOPMENT

Comparative historical political economy (CHPE) is an analytical approach to understanding social practices. That approach is not development specific, and many applications of it are not motivated by development questions. Despite that, such applications often generate development-pertinent insights. I illustrate CHPE's approach to understanding social practices using non-development applications that nevertheless furnish lessons relevant for contemporary development.

¹ Лисон Питер Т. — профессор экономики и права имени Дункана Блэка, Университет Джорджа Мейсона; e-mail: PLeeson@gmu.edu.

Keywords: economic development, development institutions, theory of economic growth, development economics, economic history.

To cite this document: Leeson, P. T. (2025). Comparative historical political economy: lessons for development. *Lomonosov Economics Journal*, 60(4), 15–27. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-2>.

Введение

Сравнительная историческая политическая экономия (*СИПЭ*) использует аналитический подход к пониманию социальной практики, экономическое обоснование которой часто скрыто от глаз. Этот подход не является специфическим для развития, и его применение мотивировано не вопросами развития, но скорее стремлением к пониманию социальных практик, которые на первый взгляд не имеют экономического обоснования. Тем не менее применение *СИПЭ* к таким явлениям часто дает важные для развития идеи.

Объясняется это двумя причинами. Во-первых, объектами исследования *СИПЭ* — социальными практиками — являются институты, которые формируют развитие (Смит, 2007; Мизес, 2024; Хайек, 2018; La Porta et al., 2008; Аджемоглу, Робинсон., 2016). Во-вторых, определяющие элементы *СИПЭ* — политической экономии в историческом и сравнительном контексте — идеально подходят для генерации знаний, полезных для размышлений о развитии (Voettke et al., 2013).

В этой статье иллюстрируется подход *СИПЭ* к пониманию социальных институтов в части, не связанной с развитием, но дающей уроки, имеющие отношение к современному развитию. Примеры, которые я рассматриваю, довольно эклектичны; они взяты из моей собственной работы о ритуальном человеческом жертвоприношении в Индии XIX в., об ордалиях в средневековой Европе и об организации карибских пиратов начала XVIII в.

Таких основных уроков три. Во-первых, опасно судить о социальных практиках по их «обложкам» и, таким образом, стремиться к искоренению тех из них, которые, как кажется, мешают развитию в наименее развитых странах (НРС). Во-вторых, социальные практики являются адаптацией к ограничениям, с которыми сталкиваются общества, и эти практики помогают ими управлять. Для многих НРС эти ограничения включают ультралиберальное и неэффективное правительство. Наконец, эффективность социальных практик может быть разумно оценена только в рамках ограничений, определяющих возможности управления. Следовательно, значительно более высокие результаты развития стран, имеющих высокофункциональные структуры управления, не свидетельствуют о «неэффективности» неформального управления в НРС.

Политико-экономический аспект *СИПЭ*

Сравнительная историческая экономия является также политико-экономической, поскольку она анализирует социальные практики. Такие практики управляют межличностным поведением, соответственно *СИПЭ* изучает институты управления. Она основывается на том, что наблюдаемые социальные практики являются социально продуктивными, в противном случае мы бы их не наблюдали. Однако часто их социально продуктивный характер скрыт от глаз, как и тот факт, что они выполняют функцию управления. *СИПЭ* восстанавливает этот характер и функцию, выявляя информацию и/или стимулы, создаваемые для людей, управляемых социальными практиками.

В качестве иллюстрации рассмотрим практику ритуальных человеческих жертвоприношений среди кондов (племенных объединений) Ориссы, Индия (Leeson, 2014). В XIX в. британские колонизаторы столкнулись с кондами, состоявшими из нескольких сотен тысяч человек, которые были разделены на многочисленные общины. Британцы были шокированы и напуганы, обнаружив, что эти общины регулярно покупали людей, а затем ритуально рубили их на куски на шумных многодневных вечеринках, которые посещали члены соседних общин. Жертвоприношения приносились, чтобы умиловить злобную богиню земли, которая требовала крови купленных жертв.

Далеко не очевидно, что ужасная практика кондов содержала что-то кроме кровавого варварства. Конечно, британцы считали ее именно диким варварством; такое отношение к ритуальным человеческим жертвоприношениям сегодня свойственно практически всем людям. Однако, если учесть стимулы и информацию, генерируемую практикой кондов, становится видна выполняемая ею функция управления и ее социальная продуктивность.

Общество кондов было примитивным, сельскохозяйственным, анархичным. Это означало, что, с одной стороны, состояние данной общины кондов в любой год зависело от капризного климата, а с другой, что у них не было органа управления, который мог бы обеспечить соблюдение прав собственности между общинами. Такое сочетание факторов побуждало те общины кондов, у которых был плохой сельскохозяйственный год, жестоко грабить соседние общины, у которых был хороший сельскохозяйственный год, и, таким образом, угрожало частыми, эндемичными и очень дорогостоящими войнами в стране кондов.

Ритуал человеческих жертвоприношений кондов был решением этой проблемы управления и средством защиты имущественных прав каждой общины от всех других. Обменивая ценное имущество на людей, а затем убивая их, община уничтожала часть своего богатства. Это делало общину непривлекательной целью для грабежа, отбивая стимул к соседским на-

падениям, тем самым защищая оставшееся богатство общины, приносящей жертвы, от таких угроз. Хотя уничтожение богатства, конечно, дорого обходилось общинам, приносящим жертвы, война с их соседями обходилась еще дороже. Таким образом, чистый эффект ритуальных человеческих жертвоприношений заключался в увеличении, а не уменьшении общественного богатства. Несмотря на внешние формы, практика кондов обеспечивала межобщинное управление и была социально продуктивной.

Общины кондов использовали ритуальные человеческие жертвоприношения в качестве средства уничтожения богатства, и, следовательно, для создания стимулов, которые защитили бы их права собственности, потому что такие жертвоприношения имели свойство генерировать информацию: ритуальное человеческое жертвоприношение является превосходным общественным маркером уничтожения богатства. В отличие от сжигания большого объема урожая, человеческое жертвоприношение является зрелищным, вести об этом уничтожении богатства жертвующего сообщества распространяются на большие расстояния. Поэтому потенциальные нападающие, которые не наблюдали уничтожения напрямую, тем не менее узнавали о нем. Кроме того, в отличие от сжигания урожая, которое можно подделать, чтобы казалось, что уничтожается больше богатства, чем на самом деле, жертвоприношение живого человека подделать практически невозможно. Поэтому потенциальные нападающие могли быть уверены, что уничтоженное богатство на самом деле было уничтожено, и, таким образом, война с разрушающим сообществом не будет прибыльной. Чтобы побудить отдельных членов такого сообщества вносить богатство для уничтожения, человеческое жертвоприношение было представлено как религиозное обязательство — необходимость умиловить разгневанную богиню земли.

Мой анализ ритуальных жертвоприношений среди кондов в рамках *СИПЭ* позволяет извлечь два урока, имеющих отношение к современному развитию. Во-первых, опасно судить о социальных практиках в НРС по их внешней форме. Многие из таких практик кажутся в лучшем случае расточительными, и поэтому благодетельные «развиватели» стремятся их искоренить. Но, как показывает ритуальное человеческое жертвоприношение среди кондов, внешность может быть обманчивой. Непонимание функции управления наблюдаемой социальной практики не означает, что этой функции нет, а значит, простое искоренение грозит созданием «дыры в управлении». Таким образом, усилия по искоренению «варварских практик» в НРС могут способствовать проблемам развития этих стран, а не облегчать их.

Во-вторых, хотя необходимость отвечать за действия по вмешательству в устоявшиеся социальные практики часто их останавливает, это не означает, что такие действия никогда не дают полезных результатов. Случай с кондами является иллюстрацией. Британцы стремились цивилизовать

кондов, для чего они изначально пробовали два подхода: угрожать кондам жестоким наказанием, если они не откажутся от ритуальных человеческих жертвоприношений, и просвещать их о варварстве этой практики и ложности их веры в богиню земли, которая требовала крови купленных жертв. Ни один из подходов не сработал. И если бы какой-то из них сработал, конды в результате оказались бы в худшем положении. Поскольку без ритуальных человеческих жертвоприношений для защиты прав общинной собственности войны между общинами происходили бы чаще, что приводило бы к большему количеству смертей, а не к меньшему.

Однако в конце концов один британский офицер придумал тактику, которая оказалась эффективной. Офицер не понимал, что ритуальное человеческое жертвоприношение было решением кондов проблемы управления, созданной отсутствием надобщинного органа, обеспечивающего права собственности сообщества, но он понимал, что отсутствие такого органа создает проблему для кондов. Таким образом, офицер предложил кондам услуги британцев в этом качестве, если те прекратят приносить в жертву людей. Конды приняли это предложение, потому что предоставленное британскими властями решение проблемы управления было лучше ритуального человеческого жертвоприношения: британское обеспечение прав собственности сообщества было дешевле для кондов, чем уничтожение их богатства для обеспечения этих прав.

Последствия этого эпизода для развития очевидны. От устоявшихся социальных практик действительно можно с выгодой отказаться, причем очень быстро, но только в том случае, если появятся более совершенные заменители функций управления, которые эти практики выполняют. Более того, хотя внешнее вмешательство может в принципе способствовать такому замещению, на практике оно скорее нанесет ущерб развитию, поскольку те, кто его осуществляет, редко понимают, какую функцию управления фактически выполняет традиционная практика, предназначенная ими к устранению. Они часто вообще не понимают, что она выполняет какую-либо продуктивную функцию управления.

Исторический аспект сравнительной исторической политэкономии

СИПЭ является исторической, поскольку анализирует исторические социальные практики (или исторические корни их современных аналогов). Такие практики моделируются как решения конкретных проблем управления в условиях существующих ограничений. Таким образом, в дополнение к выявлению стимулов и/или информации, которые такие практики создают для лиц, которыми они управляют, *СИПЭ* определяет ограничения, с которыми сталкиваются эти лица, и которые порождают практики, используемые ими для управления.

В качестве иллюстрации рассмотрим средневековую практику ордалии, или суда через испытание (Leeson, 2012). Хорошо известно, что многие общества в христианском мире решали вопрос о виновности или невиновности обвиняемых преступников, прося их опустить руки в котел с кипящей водой, чтобы вытащить кольцо. Если рука обвиняемого, по свидетельству священника, проводившего испытание, была обожжена, обвиняемый признавался виновным. Если его рука оставалась невредимой, он оправдывался как невиновный. Согласно вере, на которой основывалась эта практика, Бог позволял кипящей воде обжечь виновных, чтобы доказать их вину, и совершал чудо, которое не позволяло воде обжечь невиновных, чтобы доказать их невиновность.

Ключ к пониманию социальной действенности суда через испытание заключается в понимании стимулов и информации, которые он создавал для управляемых людей, в то время как ограничения, с которыми сталкивались средневековые европейские системы правосудия при установлении фактов, объясняют, почему эти системы правосудия полагались на испытания, чтобы установить факты, а не на методы, которые считаются общепринятыми в нашем благополучном мире. Сначала мы обсудим стимулы и информацию, которые создавал суд через испытание, а затем ограничения, его породившие.

Стимулы и информация, которые создавались посредством ордалии, и то, как они способствовали уголовному правосудию, становятся очевидны, стоит только указать на них. В зависимости от веры, на которой основывалась ордалия, сама процедура побуждала виновных отказываться от испытаний, поскольку обвиняемые, которые были виновны, ожидали, что Бог позволит воде обжечь их, и в результате они будут осуждены. В то же время процедура испытания побуждала невиновных подвергаться испытаниям, поскольку обвиняемые, которые были невиновны, ожидали, что Бог не даст воде обжечь их, что приведет к их оправданию. Результатом стимулов, созданных испытанием, была, таким образом, криминальная самосортировка. Эта самосортировка, в свою очередь, давала точную информацию о том, какие обвиняемые были виновны, а какие невиновны: только последние, напомним, имели стимул пройти испытание. На основе этой информации виновные могли быть наказаны любым наказанием, которое выбрала бы система правосудия, в то время как невиновные могли быть оправданы благодаря тому, что «кипящая» вода на самом деле не кипела. Данные, полученные в ходе испытаний, свидетельствуют о том, что именно это и происходило на самом деле: подавляющее большинство обвиняемых, окунувших руки в «кипящую» воду, чудесным образом остались невредимы и, таким образом, были оправданы.

Ограничения на установление фактов в средневековом христианском мире, которые привели к зависимости уголовного правосудия от таких испытаний, столь же очевидны. С одной стороны, в средневековой Европе

не было технологий сбора доказательств, которые современные европейские и другие развитые страны используют для установления фактов, например, видео, снятие отпечатков пальцев, сохранение места преступления и анализ ДНК. Более того, в прошлом даже очевидцы были редки, поскольку преступления часто совершались ночью, и не было уличных фонарей, чтобы их освещать. С другой стороны, в средневековых христианских обществах было то, чего не хватает их современным аналогам: широко распространенная вера в то, что Бог участвует в судебных делах, если Его земные представители — священники — правильно призывают его на помощь. Эта вера была основой *Iudicium Dei*: суеверия, на котором основывался суд через испытание. Таким образом, хотя ограничения, с которыми сталкивались средневековые европейские системы правосудия, исключали возможность использования того, что сейчас считается общепринятыми предпосылками установления фактов в уголовном процессе, они позволяли этим системам правосудия полагаться на суеверие, которое, как сказано выше, тем не менее делало ордалию эффективным средством установления фактов.

Возможно, это покажется удивительным, но в контексте сравнительной исторической политэкономии мой анализ средневекового суда через ордалию дает важный урок для современного развития: социальные практики являются адаптациями к ограничениям, с которыми сталкиваются общества, и для управления которыми они используются. Значимость таких уроков для понимания роли традиционных социальных практик в обеспечении управления в НРС станет еще очевиднее, если рассмотреть ситуацию в современной Либерии, где ордалия широко используется в уголовном суде (Leeson, Coyne, 2012).

В сельской местности (а это большая часть страны) обвиняемых преступников просят выпить ядовитую смесь, чтобы определить их виновность или невиновность (Leeson, Coyne, 2012). Это испытание называется «сассивуд», по названию дерева сассивуд, из коры которого извлекается яд в смеси. Согласно распространенному либерийскому поверью, в смеси обитает дух — детектор лжи: он отравляет виновного, который ее выпивает, тем самым доказывая его вину, и заставляет невиновного, который ее выпивает, извергать смесь, тем самым доказывая его невиновность.

Экономическая логика либерийского сассивуда та же, что и у его средневекового европейского аналога: обусловленный верой в эффект испытания, сассивуд способствует точной криминальной самосортировке и, таким образом, уголовному правосудию. При этом, подобно тому, как ограничения, существовавшие в христианском мире до XIII в., привели к зависимости уголовного правосудия от практики ордалий, аналогичные ограничения в современной Либерии объясняют зависимость ее общества от суда через испытание.

Либерия — это очень бедная страна. Все ее правители и чиновники тесно связаны между собой, правительство в высшей степени коррумпировано и в целом недееспособно. Таким образом, обычные для современных развитых стран средства установления фактов в Либерии, как правило, недоступны. Более того, даже когда эти средства имеются, они находятся в руках государственных чиновников, которые часто продажны. При таких обстоятельствах государственное уголовное правосудие: а) недоступно многим и б) по большей части осуществляется в пользу политически «своих» или тех, кто может предложить достаточно привлекательные взятки. Однако есть в Либерии и такое, чего не хватает развитым странам, — это распространенное суеверие, согласно которому духи — детекторы лжи обитают в правильно составленной смеси, сделанной из коры дерева сассивуд. Таким образом, либерийский суд через испытание отражает институциональную адаптацию, способствующую уголовному правосудию при нехватке эффективных государственных институтов этого правосудия. Следовательно, сассивуд не только не сдерживает развитие Либерии, по крайней мере, в сельских районах страны, но и поддерживает возникающее там ограниченное развитие.

Сравнительный аспект СИПЭ

Наша историческая политэкономия является сравнительной в том смысле, что она анализирует социальные практики с точки зрения их способности быть альтернативными способами управления. Успех или неудача таких практик в решении управленческих проблем оценивается в свете ограничений, с которыми сталкиваются люди, ими управляемые.

В качестве иллюстрации рассмотрим практику управления карибскими пиратами начала XVIII в. (Лисон, 2023). Пираты были преступниками, которые зарабатывали на жизнь грабежом торговых судов. Они работали в командах, в среднем состоявших из 80 человек, живших вместе на судне в море в течение длительных периодов времени. Таким образом, карибское пиратское судно было одновременно и преступной фирмой, и миниатюрным плавучим преступным сообществом. Успех пиратского предприятия требовал гармонии на пиратском корабле: люди, приверженные воровству и насилию как образу жизни, должны были избегать воровства и жестокого поведения по отношению друг к другу. Поскольку они были вне закона, пираты не могли полагаться на государственные институты для поддержания необходимого порядка.

Проблема управления пиратами на самом деле была еще более сложной. Некоторые ситуации на пиратском судне, например, когда судно должно преследовать другой корабль или убегать от него, маневрировать при приближении к добыче и давать залп, требовали мгновенного принятия решений и единоличных указаний. Пират, имеющий право прини-

мать такие решения от имени всей команды, был незаменим. Другие важные решения на пиратском судне были менее чувствительны ко времени, но также выигрывали от наличия пирата-начальника. Например, провизия, абсолютно необходимая для людей, проводивших месяцы в море, должна была нормироваться и распределяться. Кто-то должен был делить добычу между членами команды. В случае появления правил, регулирующих поведение членов команды, пиратам потребовался бы орган, обеспечивающий их выполнение. Член команды, наделенный полномочиями в отношении таких задач, мог бы злоупотреблять своей властью, используя ее против других членов команды для личной выгоды. Последствия злоупотреблений офицеров были для пиратов отнюдь не гипотетическими: многие из них ранее плавали на торговых судах, капитаны которых обманывали их с оплатой, отнимали у них провизию и использовали дисциплинарную власть для сведения личных счетов. Если бы пираты на своих кораблях не получали возможность контролировать командиров, обладавших полномочиями принимать аналогичные решения, им не стоило бы объединять усилия для пиратства.

Пираты решили свои проблемы управления, предвосхитив основы американского правительства — конституционную демократию и разделение властей — за полвека до написания «Записок Федералиста». Пираты разделили власть на своих кораблях между двумя главными офицерами: капитаном и квартирмейстером. Один отдавал команды в ходе сражения, руководя преследованием и захватом добычи. Другой осуществлял командование в остальное время: квартирмейстер отвечал за распределение продовольствия, оплату и соблюдение пиратских законов членами команды. Такое разделение полномочий сделало офицеров элементами системы «сдержек и противовесов». Однако высшей инстанцией, оценивающей употребление или злоупотребление ими власти, была команда в целом: пираты «всенародно» избирали и смещали как своих капитанов, так и квартирмейстеров. Если капитан или квартирмейстер выходил за рамки его полномочий, как их толковал коллектив пиратов, он смещался со своей должности, и на его место избирался другой член команды.

Чтобы четко определить ограничения, тем самым дав возможность членам экипажа координировать действия в случае пресечения зон ответственности, и утвердить законы, которые, согласно желанию членов экипажа, квартирмейстеры должны применять для поддержания порядка на борту, пиратские экипажи закрепили их в письменных конституциях. Перед вступлением в команду ее потенциальные члены должны были такую конституцию единогласно принять. Пиратские конституции предусматривали демократию как правило коллективного принятия решений экипажем; устанавливали правила, запрещающие воровство и насилие; определяли условия, регулирующие компенсации членам экипажа, в том числе страхование травм, полученных «на работе», регулировали виды

деятельности, которые могли иметь негативные последствия для других членов экипажа, такие как употребление алкоголя и курение, устанавливали наказания за нарушения закона.

Примечательной особенностью управления пиратами является его резкий контраст с управлением торговыми (и военными) судами, с которых пришло большинство пиратов. Практика управления торговыми судами была автократической. Безраздельная власть находилась в руках капитана, в выборе которого члены экипажа не имели права голоса, и чья должность на время плавания была постоянной, а власть над членами экипажа неограниченной. Капитан торгового судна мог удерживать зарплату членов экипажа, задержать их продовольствие, изменить условия их контрактов и был юридически уполномочен физически наказывать членов экипажа, если, по его мнению, они переступали черту. Неудивительно, что капитаны торговых судов часто злоупотребляли этими полномочиями в личных целях.

Причина автократии торгового флота кроется в ограничениях, с которыми сталкивались торговые грузоотправители. Они имели дело с классической проблемой «владелец — экипаж — принципал — агент». Торговые суда и их грузы финансировались внешними финансистами — богатыми сухопутными крысами, которые инвестировали в коммерческие рейсы. Поскольку владельцы торговых судов не плавали на судах, в которые инвестировали, во время плавания их ценные суда и грузы были вне их поля зрения или досягаемости. Такая ситуация провоцировала оппортунизм моряков, а именно кражу грузов, уклонение от работы или даже побег вместе с судном. Чтобы противодействовать такому оппортунизму, владельцы торговых судов давали капитанам небольшие доли в своих судах и наделяли их автократическими полномочиями контролировать моряков, а также наказывать тех, которые действовали не в их интересах, как финансово, так и физически.

Капитан, не имеющий полной власти над своей командой, не мог успешно следить за поведением моряков и контролировать его. Уменьшение полномочий капитана в отношении продовольствия, выплат, трудовых заданий или дисциплины и передача их в руки другого моряка, попутно означало, что его капитанские полномочия заставлять моряков вести себя в интересах отсутствующих владельцев также уменьшились. Аналогично, если бы владельцы торговых судов не назначали своих капитанов постоянными командирами, а вместо этого позволяли бы матросам судна всенародно смещать капитана и по своему желанию выбирать другого члена команды на эту должность, то полномочия капитана как исполняющего обязанности управляющего в отсутствие владельцев судна прекратили бы свое существование. Для лучшего понимания рассмотрим, какого капитана выбрали бы моряки торгового флота, если бы им дали возможность выбирать его демократическим путем. Интересам моряков лучше всего отвечал бы либеральный, нестрогий капитан, позволяющий им делать все,

что за благорассудится, т.е., тип капитана, совершенно противоположный тому, который в наибольшей степени отвечал бы интересам владельцев.

Таким образом, на торговом судне автократия была необходима для решения проблемы принципал — агент (владелец — экипаж). И она была эффективна в решении этой проблемы управления. Хотя некоторые моряки все же умудрялись воровать с кораблей, на которых они плавали, не подчиняться приказам и в ряде случаев устраивать мятежи и скрываться с чужим судном, это были достаточно редкие исключения из общего правила, согласно которому торговые моряки под руководством автократических капитанов служили интересам отсутствующих владельцев судна. Такая практика управления торговыми судами давала капитану возможность выбора: капитаны могли действовать в собственных интересах и многие делали это, как часто жаловались торговые моряки, за их счет.

Причина, по которой пираты использовали совершенно иные практики управления, состояла в том, что ограничения, с которыми сталкивались пираты, были совершенно иными. У пиратов не было проблемы принципал — агент (владелец — экипаж) просто потому, что пираты свои корабли угоняли. На пиратских кораблях члены экипажа были и владельцами, и служащими — и принципами, и агентами. Следовательно, пиратам не требовались авторитарные капитаны, чтобы противостоять оппортунизму членов экипажа. Им по-прежнему нужны были лидеры, которые могли бы командовать во время битвы и применять правила, предотвращающие конфликты между членами экипажа. Но при отсутствии расхождений между интересами принципала и агента пираты могли демократически избирать своих лидеров и делить полномочия между ними, не будучи вынуждены учитывать возможность выбора, с которым сталкивались торговые суда. Для пиратов ограничение личной выгоды капитана было «бесплатным». Следовательно, практика управления пиратскими судами основывалась на конституционализме, демократии и разделении властей.

Мой анализ пиратского управления с помощью сравнительной исторической политической экономии дает урок для современного развития: эффективность социальных практик может быть разумно оценена только в рамках ограничений, которые определяют возможности управления, и, наоборот, она не может быть разумно оценена, если возможности управления рассматриваются в контексте ограничений, не оказывающих на них существенного влияния. Чтобы оценить важность этого урока, рассмотрим случай Сомали.

Сомали входит в число беднейших стран мира. Ее центральное правительство рухнуло в 1991 г., потом в течение ряда лет государство фактически отсутствовало, и, следовательно, управление осуществлялось неформальными институтами. Из этих фактов многими делается вывод, что «безгосударственные» институты управления в Сомали «неэффективны». Однако этот вывод неверен по той же причине, по которой неправильно

утверждать, что практика управления торговыми судами была неэффективной в свете достижений пиратов. Правильный вывод предполагает общие ограничения, тогда как на самом деле наборы возможностей управления различаются.

История Сомали до возникновения государства состояла из десятилетий существования крайне хищнического и неэффективного правительства. Следовательно, именно такое правительство, а не то, которое присуще богатому западному миру, было альтернативой неформальным институтам управления для Сомали. И сравнивать развитие Сомали в условиях анархии нужно не с развитием той части мира, которая управляется высокофункциональными государствами, а с развитием Сомали при крайне низкофункциональном правительстве, которое предшествовало сомалийской анархии.

Если провести это сравнение вместо неуместного сравнения с высокофункциональными западными государствами, то предполагаемая неэффективность неформальных институтов управления Сомали исчезнет. А именно: в условиях анархии развитие Сомали улучшилось (Лисон, 2023). Это говорит о том, что хищное и не выполняющее государственных функций правительство хуже для развития, чем отсутствие всякого правительства. Конечно, результаты всегда были бы лучше, если бы ограничения были менее жесткими. Это верно, рассматриваем ли мы современный Сомали или торговые суда XVIII в. Эффективность, однако, означает, что работа выполняется наилучшим образом при фактически существующих ограничениях, а вовсе не при менее серьезных ограничениях, с которыми сталкиваются другие.

Заключение

Сравнительная историческая политическая экономия применяет аналитический подход к пониманию социальных практик, экономические причины возникновения которых часто скрыты, а *СИПЭ* помогает их найти. Они могут не иметь отношения к развитию как таковому, но полученные в результате знания важны, поскольку *СИПЭ* фокусируется на институтах, которые определяют развитие, и составные элементы *СИПЭ* идеально подходят для изучения вопросов, связанных с развитием.

В данной работе проиллюстрирован подход *СИПЭ* к пониманию социальных институтов на примерах, не связанных с развитием. Это ритуальные человеческие жертвоприношения в Индии XIX в., средневековые европейские ордалии и особенности управления карибскими пиратами в начале XVIII в. Несмотря на отсутствие связи с развитием как таковым, эти примеры дают уроки, актуальные для современного развития.

Основных уроков три. Во-первых, опасно судить о социальных практиках по их внешней форме и, следовательно, стремиться к искоренению

тех, которые, по всей видимости, препятствуют развитию менее развитых стран. Во-вторых, социальные практики представляют собой адаптацию к ограничениям, с которыми сталкиваются управляемые ими общества. В наименее развитых странах это крайне хищническое и неэффективное государственное управление. Наконец, эффективность социальных практик можно разумно оценить только в рамках ограничений, определяющих возможности управления. Следовательно, значительно более высокие результаты развития стран, управляемых высокофункциональными государствами, не свидетельствуют о «неэффективности» неформального управления в менее развитых странах.

Список литературы

- Аджемоглу, Д., & Робинсон, Дж. (2016). *Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты*. М.: АСТ.
- Лисон, П. Т. (2023). *Невидимый крюк. Скрытая экономика пиратов*. М.: Дело.
- Мизес, Л. (2024). *Человеческая деятельность: трактат по экономической теории*. М.: Социум.
- Смит, А. (2007). *Исследование о природе и причинах богатства народов*. М.: Эксмо.
- Хайек, Ф. А. (2018). *Конституция свободы*. М.: Новое издательство.
- Boettke, P. J., Coyne, C. J., & Leeson, P. T. (2013). Comparative historical political economy. *Journal of Institutional Economics*, 9(3), 285–301. <https://doi.org/10.1017/S1744137413000088>.
- La Porta, R., Florencio, L., & Shleifer, A. (2008). The Economic Consequences of Legal Origins. *Journal of Economic Literature*, 46(2), 285–332. <https://doi.org/10.1257/jel.46.2.285>.
- Leeson, P. T. (2012). Ordeals. *Journal of Law and Economics*, 55, 691–714. <https://doi.org/10.1086/664010>.
- Leeson, P. T. (2014). Human Sacrifice. *Review of Behavioral Economics*, 1, 137–165. <https://doi.org/10.1561/105.00000007>.
- Leeson, P. T., & Coyne, C. J. (2012). Sassywood. *Journal of Comparative Economics*, 40, 608–620. <https://doi.org/10.1016/j.jce.2012.02.002>.

References

- Acemoglu, D., & Robinson, J. (2016). *Why Countries Are Rich and Others Poor: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. М.: AST Publishing House.
- Hayek, F. A. (2018). *The Constitution of Liberty*. М.: Novoe izdatelstvo Publishing House.
- Leeson, P. T. (2023). *The Invisible Hook: The Hidden Economy of Pirates*. М.: Delo Publishing House.
- Mises, L. (2024). *Human Action: A Treatise on Economic Theory*. М.: Socium Publishing House.
- Smith, A. (2007). *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. М.: Eksmo Publishing House.